

Теория речевых актов в характеристике терроризма

Научный руководитель – Бахтурина Александра Юрьевна

Федоров Макар Алексеевич

Студент (магистр)

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: makarfedorov92@gmail.com

Важной и сложной проблемой в современной науке является характеристика терроризма. Обычно в традиционных исследованиях терроризма его определяют через предполагаемый эффект (устрашение), оказываемый на людей, либо как насилие в политических целях [1]. Первое определение, однако, не является достаточным, так как теракты могут оказывать разные эффекты (например, воодушевление). Второе же определение страдает, с одной стороны, от того, что мы можем и не знать мотивы людей, совершающих это насилие, а с другой стороны, в таком случае есть риск упустить символический компонент терроризма.

В силу этого, в нашем докладе мы бы хотели остановиться на возможности использования теории речевых актов, разработанной Остином, для характеристики терроризма. Остин в своих лекциях, рассматривая высказывание как определенное действие, выделяет в нем три отдельных акта: 1) локутивный, связанный с произношением слов и референцией 2) иллокутивный, под которым подразумевается совершение в произнесении слов таких действий, как обещание или утверждение 3) перлокутивный, то есть эффект, оказанный словами на мысли, чувства или действия аудитории [2]. Исследователи из Дрексельского университета в своей статье 2015 года отмечают, что большинство исследователей, писавших о коммуникативном смысле терроризма, даже прямо использовавших термин “иллокутивный акт” для этого, не проясняли в чем именно этот иллокутивный акт состоит. С точки зрения самих исследователей коммуникативный смысл терактов состоит в том, что они могут быть такими иллокутивными актами, как месть, обвинение или объявление о существовании террористов. Однако, как форма коммуникации терроризм обычно проваливается, с одной стороны, из-за того, что люди не склонны слушать тех, кто применяет против них насилие, а с другой - ведущую роль в интерпретации терактов играют СМИ и правительственные инстанции, обычно не заинтересованные в том, чтобы раскрывать коммуникативные намерения террористов [3].

Как мы полагаем, в таком понимании иллокутивного смысла терактов упускается важный вопрос - каким образом акт насилия становится для нас актом террора? Самым очевидным путем для этого является заявление какой-нибудь группы людей о том, что они берут на себя ответственность за произошедшее. Важно, что несмотря на то, что непосредственной связи между этой группой и человеком, совершившим насилие, может и не быть, равно как могут быть неизвестны мотивы последнего, акт насилия все равно может оказаться связан с их программой или идеологией. Здесь нужно остановиться на двух моментах, о которых упоминает Остин. Во-первых, иллокутивный акт, для того, чтобы быть осуществленным, должен быть понят теми, к кому он обращен, во-вторых, такой акт может быть выполнен невербальными способами (например, мы можем предупредить кого-нибудь просто вертя в руках палку), однако средства, использованные для этого должны быть конвенциональными, хотя границы такой конвенциональности установить нелегко [2]. Как мы полагаем, успешный теракт может быть описан как успешный иллокутивный акт, связывающий тот или иной случай насилия с более широкой террористической идеологией или программой, как бы стоящей за ним, даже при том, что реальной связи

между ними может и не быть. Это напоминает иллокутивный акт наименования, который часто приводит в пример Остин, самое важное, что сторона, берущая ответственность за насилие, должна находиться в подходящих обстоятельствах для этого, точно так же, как человек, дающий имя кораблю, должен быть в соответствующей позиции для этого. Подобное превращение насилия в теракт может происходить и без помощи вербальных средств, но тогда в акте насилия должны быть использованы средства, ассоциирующиеся с терроризмом. В современных условиях таким средством является самодельное взрывное устройство.

Возвращаясь к идее, что теракты могут нести такие смыслы, как месть или осуждение, следует сказать, что для подобных действий, как правило, необходимы вербальные средства. В заявлениях, исходящих от стороны, за которой люди признают право брать на себя ответственность за теракты, может и не быть собственно прямо проговоренного признания ответственности. Однако, как пишет в своей статье о непрямах иллокутивных актах Серль, в одном и том же высказывании может сосуществовать и два иллокутивных акта, как, например, вопрос и просьба [4]. Точно также в заявлении, осуждающим прегрешения стороны, против которой было направлено насилие, наряду с иллокутивным актом осуждения может содержаться акт признания ответственности за теракт. И этот последний акт является ключевым для нашего определения случившегося как теракта. В заключении стоит сказать, что, как мы полагаем, взгляд на терроризм с точки зрения теории речевых актов позволяет обратить внимание не только на то, как именно был осуществлен акт насилия, но и на то, что придало ему статус теракта.

Источники и литература

- 1) Климаченкова В. О. Современный терроризм: понятие, условия и причины // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2007. №7. С. 12-16.
- 2) Austin J. L. How to do things with words. London, 1962.
- 3) Pattwell A. Mitman T. Porpora D. Terrorism as failed political communication // International Journal of Communication. 2015. № 9. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/2247/1359>
- 4) Searle J. R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. New York, vol. 3. p. 59-82.